

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИМПЕРАТОРСКОЕ ПРАВОСЛАВНОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПРАВОСЛАВНЫЙ
ПАЛЕСТИНСКИЙ
СБОРНИК

ВЫПУСК
98 (35)

СБОРНИК
ПАМЯТИ Н. В. ПИГУЛЕВСКОЙ

С.-ПЕТЕРБУРГ • 1998

¹ Релігія в Україні: Дослідження, матеріали, I. Львів: Видавництво «Логос», 1992.

² Два докладчика из трех являются руководителями общин: Р. Кись — пастор общины Рады церквей евангельских христиан-баптистов, О. Романов — секретарь Пасторской ассоциации Церкви адвентистов седьмого дня на Украине.

³ Історія релігій в Україні: Тези повідомлень II Круглого столу (Львів, 4—5 травня 1992 р.). Київ; Львів, 1992.

⁴ Історія релігій в Україні: Тези повідомлень III Круглого столу (Львів, 3—4 травня 1993 р.). Київ; Львів, 1993.

Bowersock G. W. *Hellenism in Late Antiquity*. Ann Arbor: The University of Michigan press, 1990. P. XII, 110.

В последнее время усиливается интерес к позднеантичной эпохе. В связи с этим все большее внимание уделяется изучению язычества, эллинской культуры, их влиянию на эволюцию христианских воззрений. Этому способствовало накопление нового археологического материала, иное прочтение и интерпретация христианских и языческих авторов. Появляется целый ряд работ, в которых исследователи убедительно демонстрируют силу и жизнеспособность языческих культов. К числу последних относится книга профессора из Принстона Г. В. Бауерсока «Эллинизм в поздней античности».

Прекрасный знаток арабского Востока и эллинистической культуры Г. В. Бауерсок является автором нескольких монографий и более чем 150 статей по истории и культуре Греции, Рима, Ближнего Востока. В своей новой книге историк поднимает целый ряд важных вопросов, связанных с взаимодействием эллинских, местных и христианских традиций восточного Средиземноморья. В самом начале своей работы ученый делится размышлениями об эллинизации и эллинизме. Первое понятие представляется Г. В. Бауерсоку относительно условным и современным. И если под ним понимается подавление греческой культурой местных особенностей, то эллинизация была весьма поверхностной. Для эллинизма же совсем не обязательным было подавление локальных культур, вследствие чего он оказался достаточно жизнеспособным в туземных регионах. Американский ученый ставит своей задачей определить, почему в христианской империи греческая культура выжила, и почему она постоянно идентифицировалась с язычеством (с. XI).

На основании свидетельств Иоанна Эфесского и других авторов Г. В. Бауерсок убедительно показал живучесть языческих верований — в VI в. только в Малой Азии функционировало около 150 святилищ (Гл. 1. Язычество и христианская культура). Историк делает акцент на духе терпимости эллинской религии и более резко противопоставляет отношение к ней христианства, воспринимавшего язычество как сугубо враждебную силу. За 300 лет после Миланского эдикта лишь один язычник-император Юлиан попытался бороться с христианством. Но он сам был воспитан в детстве как христианин. Если бы он был с самого начала язычником, считает Г. В. Бауерсок, то вряд ли бы он себя так вел. Ибо сам политеистический характер язычества предполагал

веротерпимость. Такая особенность эллинизма позволяла ему успешно взаимодействовать с местными культами (с. 2—6). Анализируя само понятие «эллинизм», Г. В. Бауерсок приходит к выводу, что под эллинизмом в позднеантичную эпоху понимались и культовое язычество, и греческая культура. Причем именно христиане первыми стали подразумевать под эллином язычника (с. 10). Такая трактовка поставила в затруднительное положение «грекоязычных» христиан. И они попытались отстоять свое право на греческую культуру (с. 11).

Неоднозначность культурных явлений того времени проявляется во взаимовлияниях и заимствованиях различных представлений. Терминологический анализ «святости» позволяет автору говорить о более сложном представлении о ней у язычников в отличие от иудеев и христиан (Гл. 2. Поклонение святости). Связанное со «святостью» понятие «Богочеловек» раньше появляется у язычников южной Сирии для обозначения сущности Бога в Троице (с. 15—18). Под различными именами Троица существовала и в Пальмире, и в Анатолии. Другой характерной чертой позднего язычества было наличие ангелов. Причем Г. В. Бауерсок отрицает влияние иудаизма и христианства на культ ангелов, хотя в других случаях постоянно подчеркивает взаимовлияние язычества и христианства в этот период (с. 21—26). Влияние позднеантичных языческих представлений на развитие христианства до сих пор недооценено. В IV—VI вв. имела место тонкая трансформация вкусов и образов (с. 28).

Если перед «грекоязычным» населением стояла проблема «эллинизма» как греческой культуры и языческой религии, то такой проблемы не было у говорящих на сирийском языке христиан (Гл. 3. Сирийская традиция). Так, Ефрем Эдесский гордился отсутствием «греческого яда» в его церкви. Но проникновение эллинизма неизбежно шло в туземных церквях (с. 29—35). Мало того, даже в конце VI в. под Эдессой совершались жертвоприношения в храме Зевса, что доказывает недостаточную эффективность императорских запретов против язычества. Накануне исламского вторжения культурные и отчасти религиозно-мировоззренческие традиции эллинизма были еще влиятельной силой. «Грекоязычные» христиане никогда не могли освободиться от них, а говорящие на сирийском языке — существовать без внедрения эллинизма в свою литературу и языковую среду (с. 37—40).

Большое внимание Г. В. Бауерсок уделяет Дионису и дионисийскому культу в позднеантичный период (Гл. 4. Дионис и его мир). Трансформация мифа о нем происходила и в языческом, и в христианском контекстах. Различные христианские мотивы активно проникают в дионисийский культ, что, по мнению автора, свидетельствует о неразрывной связи языческой и греческой культуры того времени (с. 41—58).

Особым своеобразием в восточном Средиземноморье, естественно, отличался Египет с его древней устойчивой культурой, самобытной письменностью. Однако к V в. иероглифы начинают забываться (Гл. 5. Греческая литература в Египте). Демоника в отличие от греческого языка уже не могла удовлетворить интеллектуальные и религиозные нужды египтян. Этому

особенно способствовали контакты и связи между греческими и коптскими христианами. Хотя в V в. 3/4 населения Египта уже было христианским, язычество не умерло. К тому же оно подкреплялось местными традициями, облеченными в греческую форму. Автор решительно опровергает мнение, что египетское и греческое язычество исчезло к тому времени. И в VI в., когда население Египта было уже в основном христианским, греческая поэзия продолжала существовать. Г. В. Бауерсок ставит под сомнение и борьбу «не на жизнь, а на смерть» между христианами и язычниками Египта, которую рисуют отцы церкви. Живучесть эллинизма исследователь объясняет еще и тем, что он являлся гарантом продолжения существования локальных культур (с. 55—67).

Завершает работу взгляд автора на судьбу греческой культуры после мусульманского завоевания (Гл. 6. Эллинизм и ислам). Г. В. Бауерсок замечает, что за многие века эллинизм тесно сросся с семитской культурой и продолжал оказывать влияние на жителей и завоевателей Ближнего Востока. Администрация арабских государств широко использовала греческий язык, продолжалось изучение философии. Эллинское наследие способствовало формированию «арабского национализма». Влияние этого наследия можно отчетливо проследить на новейших археологических материалах (с. 74—81). Г. В. Бауерсок не считает свои выводы окончательными и бесспорными. Проблема, по его мнению, еще нуждается в дальнейшей разработке.

Работа Г. В. Бауерсока, в известной мере обобщающая по своему характеру и подводящая во многом итоги его предшествующих исследований, основана на изучении широкого круга памятников не только идеологии, но и культуры, значительно расширяет представления о роли и влиянии эллинистических традиций в жизни и становлении ранневизантийского христианского общества.

А. А. Новиков

Chesnut G. F. The First Christian Histories: Eusebius, Socrates, Sozomen, Theodoret and Evagrius. Second Edition. Macon (GA), 1986. 265 p.

То, что мы держим в руках второе, значительно исправленное по сравнению с первым, издание книги Г. Ф. Чеснута, говорит о том, что она крайне необходима для всех, кто интересуется затронутой в этой книге темой. Византистика (не только отечественная, но и западная) уделяла ранневизантийской церковной историографии столь мало внимания, что любое исследование в этой области становится событием. Хотя в последнее время, благодаря усилиям Ф. Винкельмана, Р. Маркеса, С. Кальдероне, Р. Гранта, Т. Барнса и М. Гедке, удалось в определенной мере изменить ситуацию, многие вопросы остаются неразрешенными, ибо ученые обращались преимущественно к «Церковной истории» Евсевия, причем рассматривали ее, как правило, в перспективе религиозно-полити-